

Петр Давыдов

Там, где всё настоящее

Рассказы

Петр Михайлович Давыдов

Там, где всё настоящее. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660953

Там, где всё настоящее:

ISBN 978-5-7533-1414-7

Аннотация

Первый авторский сборник вологодского журналиста Петра Давыдова объединил лучшие его рассказы, опубликованные на сайте «Православие.ру». Они получили наибольшее количество положительных откликов от читателей сайта.

Герои рассказов – это в основном жители российской глубинки, миряне и священники. Истории, в которые они попадают или рассказывают сами, проникнуты истинно христианским духом, юмором и примерами побед – больших и малых. Нет унынию места в сердце христианина. Трудности есть, бывают даже беды, суровые испытания, но уныние христианам чуждо.

Для широкого круга читателей.

Содержание

По ту сторону свечного ящика	6
Фиаско первое. Дисциплина	7
Фиаско второе. Люди	9
Фиаско третье. Рецепты успехов и спасения	11
Фиаско четвертое. Целлюлит и начальство	14
Фиаско пятое. Усталость и вопросы	17
Змеиная справедливость	19
Наш человек	21
Там, где всё настоящее	27
Кот Кит – ювенальный юрист	38
Серафима Петровна и...	40
...новогодняя елка	40
...дворники	42
...ОМОН Царя Небесного	43
...Лев	47
...Великий Фотограф	48
...Карлсон	49
Рождественский подарок от святителя	50
Спиридона	
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Петр Давыдов
Там, где всё настоящее

По ту сторону свечного ящика

Стали на нашем приходе жалобы поступать на свечниц: мол, хамство, грубость и все такое. Вот и подошел я как-то к настоятелю: «Батюшка, – говорю, – назначьте меня, такого хорошего и замечательного, этим вашим свечником: я вам вмиг все исправлю».

– Или сам исправишься, – поддержал священник. – Вперед – на амбразуры! Только не осуждай никого!

– Нет, я только их жить поучу.

– Ну-ну. Бедняга, – это уже полусшепотом, сострадательно и вдогонку.

Фиаско первое. Дисциплина

С первых часов стояния за «ящиком» мне это батюшкино сострадание вспомнилось. И не вдруг. Если к началу службы подходили вполне добродушные, деловые и знакомые прихожане, которые несколько удивленно улыбались, видя старого знакомого на новом месте, говорили четко и ясно, брали свечи и отходили к своему привычному месту в храме, то к концу богослужения увеличился поток нервно опаздывающих людей. Таких, которые опаздывают всегда и сознательно. Тишины в храме уже не было, разобрать потуги бедного чтеца донести до молящихся слова молитв к Причастию не представлялось возможным за заполнившим церковь гомоном новостей, обсуждений выборов и планов на «сейчас-из-церкви-выйдем-куда-пойдем?». Даже слова настоятеля, вышедшего из алтаря и призвавшего паству внимать словам молитв и помнить, что мы готовимся к великому таинству, подействовали лишь минуты на три. На четвертую зашли новые опаздывающие, не успевшие еще поделиться новостями.

Так или иначе, служба закончилась. Прошли молебны и панихиды, храм опустел. «А вот сейчас начнется самое тяжелое», – трижды повторила скромная девушка Наташа, помогавшая мне разобраться со свечами, просфорами, записками и т.д., глядя на мою ошалевшую физиономию. «Что же может быть тяжелее, – подумал я остатками мозга, – празд-

ных разговоров за литургией и невозможности услышать молитвы?»»

Фиаско второе. Люди

Они, как известно, разные. Чаще всего – хорошие и добрые. Чаще всего, по-своему. После службы нужно было оборонять храм от беспризорников, стремившихся украсть деньги из кружек для пожертвований или сами кружки. Еще нужно было постараться отогнать от церкви дурно пахнущих, криминального вида бомжей, справлявших нужду на стены церкви и сквернословивших.

– Милостыню они здесь собирают, – сказала добросердечная Наташа, – кто-то и сжалится.

– Так ведь они ее пропивают!

– Бывает!

Потом пришла тетенька в сапогах и серьгах, которой срочно надо было «разменять пять штукарей» (так и сказала – «штукарей»).

– Простите, – говорю, – здесь не банк, да и денег таких нет.

– Это в вашей-то РПЦ?! Да у вас денег немерено! У вас тут вообще все должно быть бесплатно!

Положение спасла Наташа; она выложила какие-то бу-мажки: «Вот – счета за отопление и электричество. Впечатляет, правда? Оплатите их раз в месяц – и вы обязательно будете получать свечи без всякой платы». Впечатлили все-таки, видать, листочки: дама даже извинилась. «А я счета специально попросила копировать, – объяснила мудрая Ната-

ша. – Многим помогает, кстати».

Пришел молодой мужчина. Долго стоял у иконы. Неумело крестился. Потом подошел к «ящичку». «Мне свечку, пожалуйста», – вымолвил глухо. Свечу взял, снова подошел к иконе, поставил, снова долго стоял. Подошел: «Я с Кавказа приехал. Снайпер я». И начал рассказывать – выговориться воину нужно было. Всего разговора передавать не буду, но слова в память врезались: «Знаешь, как себя чувствуешь, когда в оптический прицел видишь, как “дух” твоего солдата режет, а ты его достать из винтовки не можешь – слишком далеко?..» Много рассказывал. То снова отходил к иконам («Я знаю, меня Богородица спасла. И не одного меня – многих»), то святой воды просил попить, потом сидел на скамейке – ждал священника. К счастью, батюшка вовремя подошел – ушли на исповедь. «Еще “афганцы” приходят, – тихо сказала Наташа. – Полицейские, бывает, спецназовцы. Пожарные, которые детей из огня спасали. У нас аптечка всегда полная – мало ли что с кем станет...»

Фиаско третье. Рецепты успехов и спасения

– Кому надо молиться, чтобы дочь в институт поступила? – спросила женщина, всерьез обеспокоенная образованием дочери, но, увы, не очень разбирающаяся в христианстве.

– Как кому? Богу! – отвечаю.

– Какому?

– Один Бог вообще-то, – говорю. (Наташа отвернулась и, похоже, улыбается.)

– Молодой человек, я вас конкретно спрашиваю: какому богу надо молиться, чтобы дочь поступила в институт?!

Кому смешно, кому – хоть плачь...

...«Что лучше: простая или заказная литургия?», «А со-рокоуст правда действеннее панихиды?», «А за какую записку просфору дают?» – и так далее и тому подобное. Таких вопросов за все дни, пока был свечником, я наслушался вдоволь. И никак, ну никак не смог научиться на них отвечать. Одна из моих коллег, сменивших Наташу, умудрялась отвечать так, что люди выбирали те из пожертвований, которые были больше всего.

– А для чего это надо? – спросил наивный свечник.

– Не нужны большинству людей, приходящих сюда, рассуждения – большинству нужно быстро и правильно «вло-

жить средства», понимаешь?

– Нет.

– Иди чаю выпей.

Чаепитию помешала просьба продать двенадцать одинаковых свечей. Ну пожалуйста – двенадцать так двенадцать. Я было направился к лотку со свечками, но коллега моя вдруг напряглась:

– А вам, простите, зачем? – спросила она молодую женщину.

– Мне бабушка так сказала.

– Простите, бабушка или бабка?

– Ну бабка, ну и что? Она мне сказала эти свечки купить, зажечь, а потом ей принести – она с меня порчу снимать будет.

– Да вы что? Это ж опасно. Это же предательство!

– Кого? Кого предательство-то?

– Да Христа же.

И свечница минут сорок с молодой женщиной разговаривала. Та свечки все же купила. Но сказала, что в храме их поставит. Дай Бог!

– Мне сто свечей. Быстро! – бросив интересного и редкого цвета купюру на прилавок, сквозь угол верхней толстой губы процедил сверкающий дяденька. – Быстро, я сказал. Я те деньги плачу, понял? Кто у вас тут дома освящает? Вы на мои деньги все тут живете, ясно?

– Не, не ясно. Вы кто?

– Я?! Кто?! – тут остановить дяденьку было уже невозможно.

Был бы храм полон, все бы узнали, кто он, этот дяденька, «такой есть», «чѐ он может реально порешать», и «скока он добра ваще делает», и сколько колоколов его «уже с того света вызвать должны» – столько их он уже наотливал-нажертвовал. С другой стороны, и польза немалая: лучше понимаешь горькую иронию и боль Пушкина, писавшего про то, как смиренно и земно кланялся Кирила Петрович Троекуров, стоя на службе, когда диакон на ектении возглашал «...и о благодетелях святого храма сего». Каждому времени – свой Кирила Петрович Троекуров...

Фиаско четвертое.

Целлюлит и начальство

Не только свечи продавать надо за «ящиком» и поминальные записки – нужно и книгу хорошую помочь выбрать или еще что нужное. Зашла жутко интеллигентного вида пара, попросили подобрать что-нибудь из хорошей детской литературы. А я, к стыду своему, не успел еще с ней ознакомиться по-настоящему, ну и брякнул: «Вот, говорят, стихи детские хорошие. Посмотрите – может, понравятся?» Открыли книжку, полистали. Начали читать. Перевернули страницу – улыбаться, смотрю, перестали. Руки задрожали, глаза заслезились. Дама села на стульчик, мужчина подошел ко мне и тактично отозвал в сторону. «Простите, – говорит, – но как в церкви можно продавать и предлагать вот такое?» – «Какое такое?» – невинно спрашиваю. Он понял, что я попал впросак, и просто начал цитировать что-то из детской православной книжки. Чем дальше он читал, тем сильнее мне хотелось провалиться сквозь землю. Там было что-то про благочестивую церковную мышь, жившую где-то в подвале, про просфорки, которыми ее кормил благочестивый сторож, про неблагочестивого кота и благочестивого сыщика Бобика с наморщенным умным лобиком.

– Стоп, – говорю. – Простите, ошибся. Не хотел вас обидеть.

– Да не в вас дело, – грустно так отвечает. – Просто я никак не могу понять: что, в России книг хороших нет? Зачем Церковь позволяет христианским детям читать такое? Нам что – православные неучи нужны, скажите?

– Не уверен. Могу предложить в качестве компенсации Лескова, Пушкина. Не желаете?

– Еще как желаю! А «Винни-Пух» есть? Тот, настоящий, заходеровский?

– Извините.

Тяжело было, ох тяжело после таких вот вопросов (несколько раз люди искренне удивлялись отсутствию хорошей детской, да и взрослой литературы в православных храмах). Попробуй докажи теперь, что мы выступаем за хорошее образование.

Но не только книги интересуют людей – нужны иконы, четки и многое другое. Про качество икон нашего «ящика» говорить даже не хочется. Зашли как-то несколько сербов – посмотрели-поудивлялись, в руках повертели: «А нет ли настоящих икон, не штампованных? Другого какого-нибудь производства?» – «Нет, братушки. Извините опять же». Но смеховая истерика у братушек началась, когда они увидели стоящих отдельно на полке гипсовых, фарфоровых и пластиковых ангелочков, ангелов и ангелищ «made in China»: «Смотри, – заорали, – целлюлит!!! Католический целлюлит!!!» Подошел я к ним, чтобы с их точки зрения это счастье увидеть: м-да-а. Здорово смотрятся в православных

церквях розовые ангелочки, способные ввергнуть в истерику стойких сербов, а заодно и напрочь убить чувство прекрасного у их русских собратьев!

– Пока ты тут возмущаться будешь и об утрате чувства прекрасного скорбеть, храм обнищает, – пояснили мне. – А еще проблем с начальством добавится.

– Почему?

– Да просто же все: во-первых, люди покупают то, что им нравится. Нравятся им твои целлюлитные монстры с крылышками – пожалуйста. Платят же? Платят. Во-вторых, никому из нас тоже ни книги не нравятся, ни вот это вот чудо. Но община их вынуждена покупать: больше в епархиальном управлении ничего не купишь! А покупать свечи, иконы и прочее община имеет право только там, в управлении. В других местах – ни-ни. Так что все твои претензии насчет вкуса, уровня литературы и все прочее направь тем, кто занимается поставкой такой вот, извини за выражение, «благодати». Не будет община закупать товар в «управе» – жди праведного гнева и санкций от начальства. Зарплата, и без того невысокая, снизится, да и у горячо любимого отца настоятеля трудностей прибавится. Иди, короче, в епархиальное управление, а нас не касайся. Хотя мы тебя понимаем и молча поддерживаем, конечно.

Фиаско пятое. Усталость и вопросы

Несколько дней подряд по 10–12 часов на ногах, нехитрый и быстрый обед в церковной трапезной, постоянное, как я выяснил, нервное напряжение, частые оскорбления и несправедливые обвинения – это все, конечно, содействует смирению. Или появлению мыслей о его отсутствии. Но усталость, даже изможденность, – штука не из приятных, поверьте. Что-то жить захотелось даже. Подошел я к настоятелю:

– Простите, батюшка, дурака самонадеянного! Заберите меня из-за ящика вашего. Ничего-то я сделать не смог. Людей только посмотрел.

– И как? Хороших много?

– Большинство.

– А, ну тогда не зря свечником был, парень. И, как я понимаю, осуждать мы больше не будем, да?

– Угу.

– Ну, иди с Богом.

В общем, вытащил меня священник из-за ящика, за которым я провел сорок несмиранных дней. Дней, наполненных, честно говоря, не столько осуждением, сколько оторопью и вопросами, на которые я до сих пор не получил ответов. Почему, например, мы уже больше двадцати лет вроде как без особых гонений живем, а ничего практически про

христианство не знаем. И что страшно, знать-то особенно не желаем. Бабки с колдунами, мол, нам все расскажут. Почему мы считаем, что Бог нам просто обязан то-то и то-то выдать, если мы такую-то записку подали или столько-то штук колоколов «этой РПЦ» подарили. Почему в Церкви так удручающе мало внимания уделяется действительно хорошим книгам, а мы предпочитаем или пугать людей концом света, или же гробить детский интеллект благочестивым сюсюканьем. Про ангелочков я уже говорил. Почему у приходов нет права покупать то, что необходимо именно им, а не брать кошмарного вида и качества товар в «управах», купленный не очень просвещенными, видимо, людьми-«специалистами». Почему нельзя разобраться с хулиганами и ворами. Почему не разобраться с бомжами – кто хочет, пусть работает, получает деньги, кто не хочет, пусть идет своей дорогой, но на церковь не мочится. Почему из-за денег для оплаты счетов за электричество и т.д. мы жертвуем элементарным эстетическим чувством. Почему мы приходим в храм не к началу службы, а к концу Причастия и болтаем, болтаем, болтаем...

Много у меня вопросов, очень много. Но главных, наверное, два: что же действеннее – сорокоуст или панихида? И какие записки сильнее – «заказные» или «простые»?

Так что осуждать трудящихся за церковным «ящиком» людей я бы не стал. Просто я побывал на их месте. Трудно им!

Змеиная справедливость

Отдали в церковь старый большой сундук. Не по ставшему распространенным правилу «на Тебе, Боже, что нам негоже». То есть не от рухляди люди избавились, попытавшись заодно натянуть на себя маски благотворителей, а действительно помогли: нужен был тогда этот самый сундук приходу – воскресную школу выручить.

Вещи теперь всякие можно было складывать, а не по углам раскидывать. Привозят сундук на машине: большой таковой, крепкий сундук. Мы тащим сундук в приходской домик.

Рядом, на крыльце, тетки-захожанки – комментируют наблюдаемое: «Вот Церковь-то до чего дошла – хорошие вещи у добрых людей задарма берет. Да, обнаглели попы со-

всем – поди, себе в кабинет поставят, всем показывать будут, гордиться. Где справедливость?» Ладно, отнесли мы сундук, поставили на место, отряхнулись, забыли про это дело. К тому же воскресная школа окрепла да чуть побогаче стала.

А через три года звонит священник, говорит, что приход решил этот сундук отдать семье одной, не шибко богатой, – так, мол, не поможешь ли с транспортировкой? В чем вопрос – с удовольствием, даже свояка позову. Тащим мы этот сундучище вниз по лестнице, спускаемся по крыльцу к машине – слышим сзади змеиный такой шепоток: «Ну, ссовссем тссерковники сстыд потеряли: имущество народное расспродают-разбазаривают. Наверняка потом себе иномарок накупают. Нет справедливости!» Не знаю, те же змейки шипели или новых прибыло...

Правы шипящие тетки: нет на этом свете справедливости!

Наш человек

Он правда крикнул: сперва хорхнул, как вальдшнеп, а потом крикнул. Но сначала приехал. На охоту. Сельский люд с восхищением смотрел на его амуницию, спрашивали, не навсегда ли приехал, – вещей-то и оружия с добрый вагон столыпинский с собой приволок. Наши егеря помогали – разгружали-носили всякие чемоданы, рюкзаки, пакеты, свертки. Как – всего на две недели приехал?! С таким-то скарбом? Ну, брат ты мой!

Насчет братьев немец сразу все разъяснил, едва ступив на сельскую землю и окинув пристальным взором лесной океан. «Белые негры» – так он назвал жителей старого русского села и заржал, как лошадь. «Што он там смеется, кажись, про негров каких-то заговорил?» – спросили в селе. «Дак это он

пошутил, кажись», – пояснил егерь Валера, статный парень, оставивший службу в спецназе очень серьезного нашего ведомства после кавказской кампании и владевший немного немецким. Его и обозначили переводчиком на всякий случай.

Хотя с немцами наши сходились легко и просто – много их на охоту приезжает, вот и вспомнили еще с детства, а кто и с военного детства, усвоенные слова-выражения. В дом приглашали – чаем поили. Однажды приехал старичок, на ногах держится, но в лес не стремится – что и за охотник. Оказалось, потратил кучу денег на путевку именно сюда, в наше именно село, потому что сидел здесь в лагере для военнопленных. Был у нас такой сразу после войны, старшие рассказывали. Даже могилы пленных где-то были, но заросли все. Дед приехал, ходил, вздыхал, а то и плакал. Вдруг как заорет – бабу Нюру увидел. Та и ведра уронила, от испуга присела. Он к ней кинулся – целует, обнимает. Оказалось, вспомнил ее: она его и его друзей хлебом тайком кормила, как-то умудрялась передавать то ли во время их работ, то ли через «колючку» кидала, когда те гуляли. Баба Нюра его тоже признала, заплакала: «Это ты, что ли? Гюнтер?» Ну, тут уж все село обрадовалось, больше года и говорили про их встречу. Хорошая была встреча. На охоту он так и не сходил ни разу – все у бабы Нюры потом дома сидел. Наши егеря поняли.

А тут не поняли – хамить немец начал. Типично так, по-

немецки, с придыханием и присвистом, – то «белые негры» ему спать мешают, то по свистку в 06:12 кофий не несут, а несут на три минуты позже или раньше, то небо не такого цвета, каким обязано быть в 05:45, то еще что-нибудь выдумает. «Минус ахт евро к вашим чаевым», – подсчитывал на калькуляторе. «Да понеси его леший с его чаевыми!» – согласились егеря. Те, кто постарше, просто молчали.

Ему бы товарища, чтобы скуку развеять, но немца подходящего не нашлось в запасе – может, потому один и приехал, что другие от него отказались. Старшие, было, думали посидеть с ним, но когда прочухали про «белых негров», предусмотрительно оставляли оружие дома, а в покои немца не заходили вообще. Сельской фантазии долго не потребовалось напрягаться – назвали дорогого гостя Гитлерюгендом, и все тут. Одно дело бабыНюрин Гюнтер – тут все понятно и с уважением. Другое дело Гитлерюгенд – тут тоже все понятно и без уважения.

Но контракт есть контракт, раз договорились, надо выполнять. Что ему там надо: кабана, медведя? Сходи с ним, Валера, на засидку. Моросит сегодня, и хорошо – зверь хуже чует. Валера, вздохнув, подчинился: такая работа, да и привык он. В 03:14 был добыт медведь, очень неплохой по здешним меркам. В 03:30 следующей ночи добыли кабана. Ошалели даже опытные егеря – успех серьезный что для охотника, что для проводника: в такой короткий срок выполнить всю программу!

Расчувствовался и Гитлерюгенд: в 12:00 попросил всех участников и организаторов его великолепной охоты (штук сто фотографий сделал с каждым своим трофеем) собраться в его домике – хочет-де отблагодарить напоследок. «Неужто очнулся?» – обрадовались мужики и собрались ровно в 18:10 в назначенном месте.

Описывать охотничьи застолья – дело неинтересное, к тому же результат всегда известен заранее. Но наши-то, вишь, или не пьют вообще (главный егерь – зверь дисциплинарный) – кто из принципа, кто из страха, кто «закодировавши», – или, как главный егерь, пьют, но в меру – так, на человека посмотреть. Всякое видали.

А Гитлерюгенд напился вдрызг. Хорхнул, как вальдшнеп, и крикнул. Посинел, упал – черный язык вывалился. Тут даже самые патриотично настроенные мужики забеспокоились – этого еще не хватало. Давай его откачивать – по щекам хлестать, по грудной клетке, трясги беднягу что есть силы, кто в «скорую» райцентра звонит, кто валидол в аптечке перебирает. «Помираешь ведь, гад, – орут, – а нам за тебя отвечать?!» Валера перекрестился. Третий раз в жизни, как оказалось потом. Краска прилила к лицу немца, язык втянулся, глаза открылись. Испуганные: «Что это было со мной?» – «Так, ничего. Чуть не помер просто. Пить меньше надо», – ответили мужики. Ответ немца озадачил всех: «Нет! Я по плану должен прожить до 95 лет! У меня план!»

Пока немец не крикнет, русский егерь не перекрестится.

Все ж таки испугались мужики сильно – пошли утром к бабушке, жившему у церкви, недавно открытой. То, се – рассказали ему: «Нам бы, бабушка, свечку поставить о здравии... немца одного» – чуть не сказали «о здравии Гитлерюгенда», но вовремя спохватились. Священник говорит: об инославных молятся дома, в частной молитве, а свечи поставьте лучше о здравии своих родных и о упокоении тех, кто скончался. «А что с немцем-то вашим?» – переспросил.

– Да-а у него тут чуть план не сорвался, – не выдержал Валера. – План у него такой – прожить он должен до девяноста пяти, а если раньше помрет, то не считается. А сейчас ему под пятьдесят годков, и пьет как лошадь!

– Так ведь не доживет до плана-то!

– А мы о чем!

– Можно мне на него хоть глазком глянуть?

– Ради Бога.

Гитлерюгенд, когда увидел православного священника, как-то весь поджался, в кресло втиснулся. О чем они говорили, не знаю. Сначала просто спокойная речь была – и ломаная русская, и ломаная немецкая, а потом и смех начался.

Вышел бабушка, улыбаясь:

– Хорошо поговорили.

– О чем?!

– А я знаю?

Вышел и немец, и – о чудо! – тоже улыбается: «Кирхе – там?» – пальцем показывает, спрашивает. «Сто метров. Каж-

дый день мимо ведь проезжали». Пошел. Не было его полчаса примерно, мужики опять забеспокоились: «И не отпоешь ведь, если не православный, – батюшка сказал! Сходи, глянь, как он там!» Валера поднялся в храм, вышел, ответил ожидавшим егерям и священнику: «Он там на коленях стоит перед налоем. Не буду ему мешать». – «Ого! Значит, все-таки поняли друг друга», – сказал священник.

С тех пор Гитлерюгендом немца никто больше не называл, а он перестал хамить и нарываться. Наш человек.

Там, где всё настоящее

Есть сплетни и слухи. Если к ним прислушиваться, ничего хорошего не выйдет – вред будет сплошной. Веками проверено: честности (и чести) в слухах и сплетнях нет, не красят они человека. А есть байки, веселые случаи, бухтины и «взаправдашные» истории, которые, хоть и не являются правдой, на истину и не претендуют. Между тем правда-то в них просматривается – пусть не фактически-доскональная и временная, но действительный характер людей – участников этих незатейливых историй – раскрывающая. Любое село, любая наша деревня может столько примеров привести – «Война и мир» записной книжкой покажется. Несколько таких баек, бухтин и случаев – записанных, рассказанных, в тысячу первый раз пересказанных, собственными ушами услышанных

в самых разных местах России – и являются основой этой истории. Самой что ни на есть правдивой, конечно...

* * *

– Колькя, иди ись.

– Бабушка, не хочу – я непоетый побегаю.

– Иди ись, говорю! Не будешь поетый – будешь отпетый!

С Фаиной Огурцовой спорить отваживаются только в двух случаях: либо не будучи с ней знакомыми камикадзе, либо приезжая в село, где живет Фаина Ивановна, на бронетранспортере и, разумеется, не покидая боевой машины. Поскольку среди миролюбивых жителей нашего села последователей второго варианта нет, а известна она далеко за пределами нашей округи, с Фаиной Огурцовой чаще всего не спорит никто и никогда. Даже внуки и внучки. Тех простачков – приверженцев варианта № 1 – Фаина, во-первых, быстро знакомит с текущей обстановкой – в селе, парламенте, в мире и в их собственной голове в частности; во-вторых, сбивает с них городскую суетливую скороговорку, пыль, ну и спесь заодно.

А Колькя и Сано – это внуки. Олькя и Верькя – внучки.

– Хорошие паря, конечно, только у их с мотоцикла в детстве упадено было. Не, у Кольки – с мотоцикла, а у Сани – с лошади. Лошадя норовистая была дак. А с Ольки и Верьки – что и взять. Деуки дак, ино и дильные, конешно. С тех

пор и прихилиются¹ – тово хочу, этово не буду. Я те не буду!

Не спорят Колькя и Сано, несмотря на два высших образования на каждого, на свое профессорство, не спорит и Олькя, кандидат исторических наук, а Верькя вообще снисходительно и мило улыбается, обладая какими-то там филологическими отличиями, дипломами и премиями. У бабушки дома не забалуешь (хотя балует она их, балует – сами признаются!): скажет баню поправить или веники заготовить – не отвертишься. Траву косить опять же надо – вот внуки и вспоминают детство. И, между прочим, радуются при всем при этом, как самые настоящие дети. Вы когда-нибудь видели, как профессора сено косят, а потом верещат от радости и переполняющих их профессорскую натуру чувств, носясь по полю? Видели бы их студенты!

У нас дома рядом стоят, на самом берегу. Когда приезжаем сюда на лето (дети нос воротят от заморских путешествий), первый наш гость – понятно кто. Хотя гостем назвать Фаину Огурцову затруднительно. Хозяйка она, смотрительница и охранительница. Благодаря ей и дом наш сохранился во время недавнего половодья.

– Шчука! По большой воде приплыла, в печь забралась, выплыть не смогла – я ее и запекла. Большая шчука!

– Когда большая вода была, я у невестки жила, у вепсов-то. Домой вернулась – сыро всё, а в печке – шчука!

– Какая еще «штука», бабушка Фаина?

¹ Притворяться (вологод.).

– От ведь, а! Хуже вепсов и этих, из Чуриловки! Ничего не понимает! Не «штука», а шчука! По большой воде приплыла, в печь забралась, выплыть не смогла – я ее и запекла. Большая шчука!

Щуку бабка Фаина держит на вытянутых руках, немного на отлете. Красивая, с золотистой корочкой, еще и луком свежим обсыпанная. Для вкуса можно и лимонным соком облить, но к таким кулинарным изыскам Фаина «не привыкши» – «и так вкусно». Еще бы! Дети, конечно, в восторге:

– А расскажи про «штуку» еще, а?

Как обычно, в разговорах с Фаиной Огурцовой трудно отличить – всерьез она шутит или же, шутя, говорит серьезно. Бывает, что и откровенно смеется, – а потом думаешь: это она над тем, что рассказывает, или над тобой хохочет? И взгляд у нее такой, с прищуром. Внимательно-испытующий. Когда чем-нибудь недовольна, про взгляд ее местные говорят тихо-тихо, с осторожностью: «На лес взглянет – лес завянет». Услышит Фаина что-то такое в свой адрес – за словом в карман не лезет: «А об твой лоб только поросят и колотить! Иди к Бую!» Кто такой этот таинственный и внушающий страх Буй, мы узнали много позже, и то от не очень (как обычно) трезвого дворника дяди Коли Гуляй-нога. Детям расспрашивать его о чем-либо после этого запретили.

Ну, если профессора на сенокосе, то уж на пасеку или к корове Фаина никого не пускает: это – только ее и ничья больше территория. С пчелами-то всё понятно – туда и за-

хочешь, не пойдешь, а корову посмотреть-погладить?

– Можно, бабушка Фаина? – вежливо ноют избалованные городские дети.

– Ла-адно уж. Пошли покажу – заодно и навестите, – ворчливо, но по-доброму и с достоинством разрешает и приглашает в свой дом Фаина Ивановна.

Между прочим, именно в ее-то доме дети и читать научились, и со сказками русскими и вепскими познакомились. Это когда мы зимой в нашем селе были. Отпросились дети к бабке Фае днем – полдня у нее сидели. Надо бы и приличия знать – пошли за детьми к ней сами. Заходим, дверями хлопаем, голиком снег счищаем. Прикрыли дверь и слышим, как она им сказки читает. И голос – тихий такой, незнакомый, таинственный. Нас никто и не заметил. Стоим как вкопанные, слушаем – прижались к теплой стенке. И хитрющая лиса, и волк-простофиля, и мужик на санях – все вживую! Даже скрип полозьев о синий подлунный снег можно было услышать. Дивный мир сказки – когда в печке огонь горит, когда за окном метель и ветер воет, – начинаешь возвращаться в доброе детство. Заметила нас бабка Фаина – мигом всю таинственность сняло, даже выступившие было слезы у нее высохли:

– Та-ак. Пришли. М-да, родители... Слазай в гобец – достань там чего ни то.

Чаще всего из Фаининого гобца достают «гобешное», то есть сваренное и выдержанное в подвале (гобце), согласно

всем местным традициям, замечательное пиво. Крепость его невелика, но действием своим, приносящим известное приятное расслабление, оно сходно с сербской «ракийкой». Всё село хвалит, на каждый праздник к Фаине в дом за «гобешным» ходят. И не пьянит. Благо пьянство здесь не в почете – один Коля Гуляй-нога и отметился, так за то и прозвали. Один только раз не было замечательного пива: во время «большой воды» весь гобец залило, и Фаина у невестки в вепсской деревне жила около месяца.

Мы к вепсам однажды приехали – Фаину Огурцову навестить. Оказалось, что в лесу неподалеку от села живет их вепсский отшельник, дядя Саша. Вепсы сказали, что ему все надоело – взял и ушел жить в лес. Землянку себе соорудил, а в село раз в месяц приходит, на почту за пенсией. Решили проведать, посмотреть, что за диво в вепсском лесу обитает. Заходим в чащу – точно: тропка протоптана, меж елок и сосен с березами петляет. Вывела нас к землянке дяди Саши.

Покашливаем вежливо и боязливо – из-под земли вырастает косматый гигант: бородища закрывает все лицо, но глаза поблескивают по-доброму. Может, и не съест. А он забасил что-то по-вепски, потом перешел на наречие попривычнее: «Заходите, гости дорогие, сейчас вас угощать буду!» Какие-то напитки из клюквы-брусники, всякие отвары, пирожки начал вытаскивать наверх под навес, мед на столе появился, сушки-баранки. Мы сидим, стесняемся, а хозяин нас в третий раз уж к столу просит. Третий раз отказывать-

ся нельзя. Два можно. Даже нужно. Потому что если согласишься до третьего раза, прослывешь «безотказным», а это позор несмываемый.

Беседуем за трапезой. Оказалось, дядя Саша – бывший военврач. Афганистан, «перестройка», Чечня. «И что мне было делать? С ума сходить от крови, злости и водки? Попробовал – не понравилось. Взял рюкзак, самовар – и в лес. Тут даже волки с медведями добрее, чем люди. Медведей, правда, не видал: у нас нейтралитет с ними. Следы видал только. А люди, бывает, заходят – кто поговорить, кто дорогу спросить. Отчего не помочь? С охотниками и рыбаками интересно общаемся – те всегда часть добычи отдадут. В селе меня сначала побаивались, когда на почту приходил. Еще бы не испугаться: входит такое чудище лохматое. Но я ж вежливый. Можно сказать, добрый лесовик. Теперь перед почтой дети собираются – на лесовика посмотреть. Шутим, смеемся с ними. Я им в лавке сушки покупаю, они и рады». Попили чаю с пирогами, а он и говорит:

– Ну вот, теперь и поесть можно! – и вынимает огромный чугунице с чем-то таким умопомрачительно бурлящим, шипящим и благоухающим, что у нас глаза на лоб полезли – от стыда, умиления и благодарности. Ну и восхищения тоже. Задушевно проходят обеды у вепсских отшельников!

Нашли мы потом Фаину и невестку ее – ух как нам досталось за то, что сытые приехали! От показательной порки спасло только то, что мы бабушку Фаю должны были домой от-

везти, – а какой из Фаины Огурцовой водитель? Только так – бибиканье одно. Простила, хотя и с трудом. Но с вепским лесовиком, так любезно «этих олухов из города» приютившим, они теперь большие друзья. Мы тоже. И за клюквой только к нему приезжаем.

Должность у Фаины Огурцовой в нашем селе почетная: Сторож и Главный Выключатель Фонаря. Фонарь в селе всего один – как в Нарнии. Стоит себе спокойно у сосенок и дорогу освещает. Если, конечно, Фаина его включит. Правда, пока про забастовки не говорила. Скорее, наоборот: «Работать надо, а не болтаться, как телепень!» На фонаре есть выключатель. Работа Фаины – включать, когда надо, фонарь и, когда надо, выключать его. Поскольку спать Огурцова ложится часов в десять, то в девять вечера наше село погружается в полные сумерки. Так что осенью или зимой у нас очень даже спокойно – только, говорят, волки зайти могут. Фаина уверяла, что в прошлом году волк до ее хлева дошел – пса не побоялся. Но мы это отнесли к историям «про штуку». Хотя – кто знает, кто знает...

...В город ездит она неохотно. Особенно после вот какого случая. Не оказалось в сельском магазине, где всё всегда есть, чего-то очень Фаине нужного. Смерила взглядом очередь, лес и небо – наутро поехала в город с подругой. Путь неблизкий, да и непривычно всё как-то, суетливо, бестолково. Приехали в город, перекусили в кафе, пошли в магазин. С ужасом рассматривала Фаина Огурцова эти квадрат-

ные километры: «Это ж сколько земли пропадает?!» Устали страшно: всё вроде рядом, а ноги ломит, голова болит, народ не тот. Подруга уговорила Фаину взять такси. На свою голову, как оказалось. Водитель – хамоватый прыщавенький паренек, вовсю сыпавший уголовными словечками и, разумеется, ничуть не стесняющийся присутствия женщин, – цыкая сквозь зубы слюну, смоля углом рта сигаретку, не переставал сквернословить, специально, видимо, делая ударение на «а»: мол, гырАадской я пыцАнчик. Фаина сначала притихла от такой наглости, а потом развернула «пыцАнчика» за плечи к себе:

– Послушай-ко сюда, водило...

Нужно ли говорить, что, когда машина доехала до места назначения, паренек на трясущихся ногах выбежал из нее и открыл дверь дамам.

– Они здесь что – только так понимают?! Да с ними говорить – это надо гороху обожраться! – вынесла свой вердикт Огурцова.

Не любит Фаина город. Другой случай ее нелюбви зафиксирован в анналах истории. Многие города борются за право обладания оригиналом – Вологда и Череповец, Ярославль и Кострома, оба Новгорода – до столиц дело дошло. А дело было так. В одну из своих немногочисленных и непродолжительных поездок «в город» Фаина взяла с собой внука. Как обычно, зашли в магазин, универмаг. Пока то да се, бабушка замешкалась, а внук устремился к полке, на которой бы-

ли выставлены чугушки, кастрюли, горшки. Что взять с мальчика – нахлобучил себе на голову и, разумеется, застрял, снять не может. Вой поднял на весь магазин – тут и Фаина очнулась, и продавщицы понабежали. Тянут-потянут – вой стоит страшный.

– Езжайте в травмопункт, – говорят, – там с парня горшок снимут. Только заплатите сначала.

– Да вы что, родные, как же так-то?

– Платите.

Делать нечего, выложила бабушка положенные по такому случаю деньги, повела внука на остановку автобуса. Народ, конечно, оглядывается – кто смеется, кто сочувствует, похикивая. А внук ничего, освоился. Сели в автобус, на заднее, разумеется, сиденье.

– Бабушка, – раздался утробный горшкообразный голос внука.

– Чего тебе? – недовольно проворчала Фаина.

– А я царь! С такой-то короной царь я, не иначе!

– Да сволочь ты, а не царь! Столько денег на тебя, дурака, извела, а он еще царем прикидывается!

Автобус во время и после этого любовного диалога, разумеется, трясся от хохота и визга радостных пассажиров...

Село – любит, очень любит.

– Здесь, – говорит, – всё свое, родное, здесь всё «настоящее». Не как у вас там. У вас там и люди из пластмассы.

Сказала и посмотрела. На сей раз серьезно, без подковыр-

ки. Часто с ней соглашаюсь. Потому и ездим мы всей семьей туда, где всё «настоящее»: небо и лес, река и люди. Проверьте и вы – приезжайте в гости. У нас хорошо. Если горохом не злоупотреблять, конечно.

Кот Кит – ювенальный юрист

Кот Кит умел давать лапу и делать сальто-мортале. Лапу давал с удовольствием и без посторонней помощи, акробатический трюк делал с посторонней помощью и, похоже, без особого воодушевления. А душа у Кита была, как ни крути: терпел детские выходки. Более того, когда кто-нибудь из моих сидел на горшке и ревел, Кит еще и занимался воспитанием и утешением дитяти: ходил вокруг горшка и терся о детские ноги и спину. Помогало: вой прекращался, начинался смех. Кит скрывался от очередного сальто-мортале на книжную полку или на шкаф. Следил сверху за порядком в доме и передвижениями детей и щенка-фокстерьера, иногда сбрасывая ему карандаши для тренировки новых зубов. Щенок был ему благодарен. Я – не очень.

Потом Кит состарился, перешел со шкафа на диван. Акробатика прекратилась. Дети, соответственно, подросли, и начались уже подростковые капризы. Один из таких подростковых «закидонов» довел меня до применения физической силы: ну надо было как следует отшлепать зарвавшегося сорванца. Что-то он там такое натворил нехорошее, не помню. Экзекуция проходила в Китовом присутствии – так себе сцена. Гнев, обида, слезы – фу.

Вдруг чувствую: сильный удар по руке. Сильный, но мягкий. И почти разборчиво: «Не-ет, не-ет, не-ет». Это Кит, несмотря на почтенный возраст, покинул свой диван и решил прекратить сеанс воспитания. К тому же явно неудачный. Колотит он по моей руке своей старческой лапой, приговаривает это свое «не-ет, не-ет, не-ет» и смотрит огромными желтыми, полными недоумения и боли глазами. Прямо в душу смотрит, с укором.

Наказывающий и наказуемый на минуту оцепенели. Прекратили всю эту неприятность. Извинились друг перед другом. Кот Кит победоносно и устало прошествовал к дивану – подняться мы уж ему сами помогли.

Наказал, научил нас кот Кит – и молодого, и который постарше: жить-то, оказывается, по-человечески нужно. Я ему даже фокстерьеровы карандаши простил.

Серафима Петровна и...

...НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Ну невзлюбила трехлетняя Серафима Петровна, «личная папина дочь», как она сообщила мне, личному ее отцу, елку, которую мы принесли домой в конце декабря. «Убирайте!» – говорит, и всё тут! До слез дело дошло. Мы думали, успокоится деточка, все-таки первый раз елку настоящую видит – ан нет: убирайте, пожалуйста, дорогие родители. Решили еще денек подождать – может, привыкнет. Красиво же. Ага. Серафима Петровна нашла способ настоять на своем. Затихла сначала в гардеробе. А надо сказать, что внизу хранятся мои Самые Главные Путешественные Боты, в которых я по миру хожу, ну или езжу. И отношение к ним в се-

мье сродни отношению к дедушкиной фуражке или прабабушкиному перстню: так просто брать нельзя. Все это знают, и даже смирились. Кроме протестующей Серафимы Петровны: выходит, ковыляя, в центр кухни в моих ботах, которые ей оказались выше колен, упирает руки в боки и, обращаясь к нам, говорит отчетливо: «Сколько лет с вами живу, а такого кошмара еще не видала!» Ну, мы намек поняли, поднявшись с пола. Елку отдали соседям. Сима, когда повзрослела, всё удивлялась, как это ей елочка не понравилась, – сейчас-то сама требует ее поставить и сестру с братом хороводы водить учит.

...ДВОРНИКИ

Став постарше, Серафима Петровна поступила в воскресную школу нашего прихода. Если учителя хорошие, то и уроки интересные. А тут как раз был очень хороший педагог: заинтересовал ребят церковнославянским языком. Мало того – на одном из занятий они добрались даже до 50-го, покаянного, псалма. Дети и покаяние – штука сложная. Впрочем, у взрослых, наверное, еще сложнее. Так или иначе, идем мы однажды с Серафимой Петровной в школу. Зимой. Снегу навалило – глаз радуется! Но пройти трудно: сугробы лежат. Бедняги дворники, пыхтя и поругиваясь, разгребают всё это счастье, пытаясь сделать хотя бы узкую тропинку.

Мы идем гуськом – Серафима Петровна впереди. Вдруг поворачивается и со значением выражается: «Вот зачем эти дворники снег убирают, а? Написано же: “Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся”. Я иду себе и убеляюсь паче снега – чего они снег убирают?!» Такое вот детское покаянное богословие. Я и притих неавторитетно. Даже о своих грехах призадумался. Долго думал.

...ОМОН Царя Небесного

Точнее, не ОМОН, а СОБР, но я в этих штуках мало соображаю: знаю только, что и там и там сильные дядьки есть, с которыми лучше не спорить, если виноват. Мы Серафиму Петровну не пугали «дядьками милиционерами», которые за плохое поведение «придут и заберут», – она их и не боялась. Более того, и не боится, повзрослев. Даже уважает. И вот по какому случаю.

Взяли мы ее однажды на Крещение на водосвятие. Ночью. Ехать недалеко – от города километров двадцать. Говорят, там прекрасный источник есть, где вот уже несколько лет водосвятные молебны проходят. И устроил этот источник какой-то интересный дяденька, который сильно родную землю любит. Что за дядька? Что за источник? Решили проверить. Приехали, вылезли из машины. Народу много – Серафима Петровна возьми и потеряйся. Паника у нас случилась: бегаем, глаза вытарашив, орем. Наташка вдруг говорит: «Ну-ко стой – во-он там, кажется, Сима стоит, с мужиком как-ким-то». Подбегаем: Серафима Петровна спокойно разговаривает с усатым великаном, тот держит ее за руку, улыбается и поверх головы смотрит: не появятся ли горе-родители? Увидел нас – показал Симе: «Вот твои мама и папа! А ты переживала!» Ну, руку-то мне пожал, а от комментариев воздержался. «Вы, – говорит, – проходите давайте. Потом пого-

ворим. А вообще повнимательнее будьте, ладно?» Так и познакомились.

Капитан СОБРа Николай Александрович Соколов смотрит-то по-доброму, конечно, но уж если какое правило установил, то лучше его не нарушать. Правда, как он сам говорит, «самое главное правило – это не применять силу до последней возможности. Оружие – тем более. Люди ж не дураки, соображают. Поговоришь с человеком, обоснуешь то-сё, он и соглашается. А сила, оружие – это для врагов». Были всякие операции – и на Кавказе, и много еще где: и с преступниками сталкивался не раз. Заслуженные награды показывать не любит, да и не показывает особо: так – вскользь упомянет, если достанешь расспросами.

Вышел на пенсию: «Надоела эта “романтика”, – говорит. – Пора бы и честь знать».

Честь-то он всегда знал, что и доказывает постоянно. Тем, например, что, взяв под Вологдой участок земли в аренду, устроил на нем рай: расчистил старый источник и лес вокруг него, поставил часовню, сделал огромный трапезный стол под навесом, насадил десятки сосенок и соорудил кабинки для обливания. Круглый год народу много – из самых разных мест, но, понятное дело, больше всего людей приезжает на Богоявление: костры, самовары, пироги, водосвятие, бездонное звездное небо – и, знаете, полная тишина. Можете себе представить: сотни людей – и полная, торжественная, благоговейная, но и радостная тишина. Нет этих «эге-гей!»,

«Й-йыы-ых!»), «чё встал», «отойдите, братие» и т.п. – есть свет, торжество и радость. Мороз еще есть, серьезный такой. Но он не мешает – чуть ближе к преподобным Северной Фиваиды даже делает.

Капитан Соколов стоит чаще всего где-нибудь в сторонке, беседует с кем-нибудь из гостей, улыбается, что-то рассказывает. Ну не любит он быть в центре внимания, терпеть не может начальственные почести – что от губернаторов-мэров, что от митрополитов-епископов. А вот поговорить с гостями – милое дело: «Дак чего я-то такого сделал? Свое дело и сделал, вот и всё. Нравится вам, и мне хорошо. С праздником вас!»

«Свое дело» – это не только обустройство нескольких гектаров земли, приведение их в божеский вид, точнее – возвращение земле ее достоинства. Недавно капитан Соколов возмутился во всеуслышание в своем селе: «Э, мужики! Это вообще не дело, что у нас на кладбище из-под земли соляра выступает! Там люди лежат, наши предки, а мы тут что – водку пить будем?! Давайте так, мужики: чистим погост и начинаем восстанавливать церковь. Иначе не по-нашему». Так и начал восстанавливаться потихоньку Троицкий храм, начала исчезать солярка, проступавшая из могил: раньше в церкви колхозный гараж был, и трактористы топлива не жалели...

«Помогают, – говорит капитан. – Как же: тут надо просто пример подать – людям помочь. Ну, приходят ко мне ребята: “Можно мы у вас, Николай Александрович, на источни-

ке немного поработаем, лес почистим?» – “В чем вопрос!” Остаются, радуются. Гости, когда приезжают из разных мест, даже плачут некоторые. Вон, недавно с Украины приезжали – стояли у родника, плакали. Весь день тут провели, а, говорят, думали: ненадолго заедем, и всё».

На земле капитана Соколова действуют два закона, которые соблюдаются неукоснительно: никакого алкоголя и табачины и – уважение друг к другу. А, стоп, третий еще есть: вход всегда бесплатный. «Еще не хватало – с людей деньги за красоту брать! Я что, для денег живу, что ли?! Нет! Мне нужно, чтобы люди радовались – Богу, Его природе. На Бога деньги собирать – не-е-ет, господа хорошие. Кто хочет, что-то оставляет – кладет в ящики для пожертвований, но я не настаиваю. Кстати, ни разу никто на этой земле ничего не украл – понимают люди, что вести себя можно хорошо. Вот так и живем. Похоже, что с Богом».

Серафима Петровна часто требует очередной поездки на источник: «Там, – говорит, – ОМОН Царя Небесного служит».

...Лев

Друг Серега долго смеялся и удивлялся: «Назвали дочку Серафимой!» Начал всячески издеваться, хоть и по-дружески: «Семафора», «Светофора» и прочие штучки выделять. Ладно, Серафима Петровна запомнила этот дружеский стеб. И характер папочкин усвоила. Немстительный такой, с хорошей памятью просто. Подросла. Дождалась, пока у дяди Сережи, друга семьи, родится сын. Поздравила. Тот прослезился аж от умиления. «Как назвали сына, дядя Сережа?» – «Лев», – не без гордости прорычал бородатый друг. «Ага, – удивленно помолчала Серафима Петровна. – Значит, есть имя такое – Лев...» – «Есть, Семафора, есть». – «Хм. А Козел, значит, тоже есть?» Мы чувствовали себя ото-мщенными. Серега сник и больше фантазий с именем себе не позволяет. И шоколад приносит. «Будущему пожарному», – говорит. А со Львом Сергеевичем у Серафимы Петровны дружба обозначилась.

...Великий Фотограф

Такой грозы мы давно не видали: сверкало, гремело, бушевало! Ломались деревья, летели дорожные знаки, сломанные зонтики и кепки с голов неосторожных прохожих – хорошо хоть, не сами прохожие. Мы как раз в их число и попали: вздумалось прогуляться перед дождичком. Получили: не знаем, куда и деться. А Серафима Петровна вообще впервые попала в такую переделку – смотрела во все глаза и немножко боялась. Немножко – потому что мы ее прикрывали. Тут громыхнуло так, что мы присели от страха: черное небо расколосось надвое – молния прошлась, как раскаленный нож по маслу. Реакция Серафимы Петровны заставила присесть уже от смеха: «Вот это я понимаю! Крутой у Христа фотоаппарат! Мощная вспышка!»

...Карлсон

Что-то мы спорить начали с Наташей, самой доброй и милой на свете женой. Правда: никогда не ссорились, а тут прорвало, просто ужас. Дошло до крика – очень некрасиво, о педагогичности и говорить нечего. Орать друг на друга – неинтересно, а при детях – вообще до свиданья. Серафима Петровна мудро удалилась в свою комнату, легла на диван, грустно молчала и читала «Карлсона» своего любимого. Хотя «Муми-тролли» ей больше нравятся, если честно. Ну, читала и читала, а мы орали как идиоты – аж стены дрожали. Во время небольшой передышки (мы остановились, чтобы набрать воздуха в легкие) раздался усталый голос из детской: «Спокойствие! Только спокойствие!» Мы от этой детской усталости и орать перестали. Со стыдом и обоюдной доказанной неправотой ушли чай пить на кухню. За столом и помирились, конечно. А Серафима Петровна сейчас «Мио, мой Мио!» полюбила.

Рождественский подарок от святителя Спиридона

Дорогой святитель Спиридон, Ваше Высокопреосвященство. У вас там, вверху, принято обращаться на «ты», поэтому прости мою вольность. Кроме того, ты же пастухом был, когда жил тут, у нас, внизу, – к «ты» и привык, наверное. К стыду своему, о тебе я узнал совсем недавно, пару месяцев назад. Нет, слышать-то слышал, что есть такой Спиридон Тримифунтский. А вот узнать тебя мне удалось только-только. Надеюсь, кстати, наше знакомство продолжится. И не из довольно постыдных утилитарных соображений, по причине которых я к тебе и обратился впервые. Напомню эту историю. Итак, три месяца назад...

Наверное, какой-нибудь вальдшнеп-придурак, обнаруживающий на весенней тяге, что взлетает в воздух не его закадычная подруга-вальдшнепиха, а кепка хитрого охотника и, следовательно, пора и честь знать, скоро жизни придет конец, испытывает меньшую оторопь, чем ты, когда слышишь: «А вам просили передать, чтобы вы со своей семьей из квартиры убирались. Так надо потому что».

Самое противное во всем этом деле – слухи. Так через каких-то непонятных теток, даже не третьих, а десятых (и довольно противных) лиц, тебе вдруг становится известным решение хозяина квартиры, где ты прожил целых десять лет. Женился. Дети здесь родились логичным образом, три экземпляра. Для них-то этот дом родной, это ты все время (где-то в глубинах подсознания соглашаясь с необходимостью рано или поздно уехать отсюда) рассчитывал на ранее достигнутые договоренности в стиле «живите, сколько хотите, мне не жалко», надеялся все-таки на это «поздно». Позванивал, конечно, узнавал, можно ли купить дом или квартиру, но не так чтобы очень суетился – мол, подождем варианта получше. Да люди и сами сказали, что проблем нет: живите себе на здоровье, хоть и с сельским, так сказать, комфортом – ни водопровода, ни канализации, с сердечком на двери. Мы и привыкли. А тут, вишь, не вовремя вальдшнепы разлетались, хоть и зима.

Вызваниваешь хозяина дома, трясущимся голосом пытаешься выяснить, обоснованы ли слухи, получаешь ответ:

«Ничего личного – только бизнес. Так получилось». Собираешь остатки мыслей. Безуспешно. Не получается. Нет, одна засела и орет: «Куда теперь? Ты – отец семейства. Давай решай. Как хочешь, но решай». В общем, настроение – так себе. Даже хуже. Но тот же хозяин, которому понадобилось выгнать меня, и надоумил к тебе обратиться: «А вы, – говорит, – всей семьей каждый день акафист святителю Спиридону читайте. Точно поможет».

Ныть, выть, жаловаться и обижаться – так себе удовольствие. Тут делать что-то надо, причем быстро, хорошо и решительно. Легко сказать! Через силу, едва разгибаясь, но начали читать акафист в твою честь.

Слава Богу, есть друзья на белом свете. Собираю честную компанию на становящейся всё менее своей кухне: «Мужики, дело серьезное, жить охота. Ваши мысли? И чтоб трезвые». – «Чего захотел! – трезво ухмыльнулись мужики, но мысль изобразили сразу же. – Тебе ж повезло, остолоп! У тебя в кои-то веки может свой дом появиться. Хозяином наконец-то станешь, а не призраком. Это мы на съемных квартирах живем, а у тебя какая возможность появилась!» – «Вы мне еще подскажите, как я эту возможность осуществлю». Вот тут друзья приосанились и сильно меня утешили: «Ошибочка вышла. Не “осуществлю”, а “осуществим”. Мы тебе, дураку такому, помочь пришли, а ты тут голосом дрожишь. Всё, без паники: сейчас начинаем искать тебе жилье, находим, покупаем, помогаем тебе с переездом, ты нас слез-

но благодаришь и приглашаешь на новоселье. До последнего пункта прописана трезвость, потом – на твоей мерзкой совести. Как тебе план, между прочим, гениальный? Мы его по дороге придумали».

Вот не любят настоящие друзья говорить о дружбе, да и не говорят никогда. Это ж тебе не влюбленные какие-нибудь, которые только и делают, что воркуют о своих нежных чувствах. Да и какие тут нежности, когда дел невпроворот. В общем, план я одобрил.

А через пару дней жена говорит: «Мне тут девчонки помощь прислали, на новое жилье нам кое-что насобирали». – «Это они еще зачем? Денег хватит у нас!» – «Не факт: жилье подорожало, инфляция, кризис всякий... Вот они клич и кинули...»

Через неделю звонит теща (а это серьезно): «Ты чего молчал?! Высылаю вам денег! Только пискни! Твоя задача – быстро купить жилье. Дочке и внукам привет. Это мой подарок».

В тот же день жена сообщила, что получила такой же звонок и подарок от любимой свекрови. Так мы «попали на наших бабок». В очень хорошем смысле.

На следующей неделе я перестал удивляться чудесам: друзья сообщили, что невесть откуда появился дом, чей хозяин захотел перебраться в другой город. Клялись, что добровольно – по работе надо парню: сам их нашел, а они просто не прошляпили такую возможность. «Ноги в руки, и беги

к нему!» – говорят.

Зашел и обомлел: там уже жена с детьми – друзья и ей сообщили. Стоят, восхищаются: «Это именно то, что нам нужно». Младший забрался в пустую ванну и заявил, что не вылезет. Средняя бегает из комнаты в комнату и орет от восторга. Старшая культурно прыгает, измеряя расстояние до потолка, смахивающего на своды готического собора. Хозяин квартиры, добродушный парень, несколько ошалев от такого нашествия, вежливо выясняет способы и сроки оплаты: «Да честно, все правда! Мне просто срочно нужно переезжать в другой город, нужны деньги, вот и всё. Это просто чудо, что я так быстро нашел покупателей». Потом он назвал цену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.